

A. Idström, E. Piirainen, T.F.M. Falzett (eds). Endangered metaphors. Amsterdam: John Benjamins, 2012. vi + 376 p. (Cognitive linguistic studies in cultural contexts, 2.)

Появление этой книги, названной «Метафоры под угрозой», было встречено с энтузиазмом, поскольку в изучении концептуальной метафоры в последние годы наблюдался некоторый застой. Интерес к книге был тем большим, что, как представлялось, редакторы нашли новый подход к этой проблеме. Заглавие книги предполагает рассмотрение метафор, специфичных для конкретных языков и отражающих соответствующие культуры, причем с особым вниманием к проблеме утраты этих метафор и замены их метафорическими средствами, заимствованными из доминирующих языков. Книга, правда, реализует эту программу не в полной мере, что, впрочем, не уменьшает ее полезности.

Предисловие к сборнику написал известный австралийский креолист **П. Мюльхойслер**. По существу перед нами призыв к лингвистам не ограничиваться документированием «ядерной грамматики» языков, а описывать также языковой материал в более широком понимании, включая образную составляющую языка. Соглашаясь с Лакоффом и Джонсоном [Lakoff, Johnson 1980] в том, что существование в языках концептуальных метафор – это универсалия, Мюльхойслер, однако, отрицает утверждение, что универсальным является также сам набор базовых метафор. В любом языке метафоры могут использоваться для обозначения новых фактов действительности, еще не полностью осмысленных. С этим связана эвристическая функция метафоры. Однако сами метафоры являются культурно ориентированными, так, «грань между буквальным и переносным значением» в разных языках проходит по-разному. Автор перефразирует название указанной книги Лакоффа и Джонсона как «Метафоры, которыми живут ДРУГИЕ». В условиях резкого сокращения лингвистического разнообразия вследствие экспансии европейской культуры наиболее уязвимыми оказываются неевропейские семантические системы, в том числе и метафоры как их часть. Число языков, которые действительно продолжают оставаться ДРУГИМИ, стремительно сокращается. В этом смысле возрастает настоятельная необходимость фиксации существующих семантических систем. Мюльхойслер подробно останавливается на процессах языкового сдвига и языковой аттриции (истощения, эрозии языка), «истинный размах которых до сих пор не осознается». Редкие («менее используемые») языки с семантической точки зрения постепенно становятся языками среднеевропейского стандарта.

Во введении к сборнику редакторы тома **А. Идстрём** и **Э. Пириайнен** проясняют сочетание «Метафоры под угрозой» (*Endangered metaphors*), ставшее названием книги. Выражение «под угрозой» отсылает читателя к термину «языки, находящиеся под угрозой исчезновения» (*endangered languages*). Однако речь в книге идет не о метафорах в исчезающих языках, а об исчезающих образных средствах в любых языках. Что касается термина «метафора», то сами редакторы признаются, что выбрали его, поскольку «это краткий и понятный термин» (с. 15). В некоторых статьях сборника речь идет не только о метафорах, но и о метонимиях, сравнениях, фразеологизмах, идиомах и других образных средствах языка и даже о «мертвых метафорах». Основным условием включения данных единиц в рассмотрение является их неоднозначность (*ambiguity*), семантическая нерегулярность (*semantic irregularity*) и конвенциональность (*conventionalization*). В сборнике опубликовано 14 статей, охватывающих все части света, а также следующие языковые семьи: на-дене (языки дене-сулине, верхний танана, бивер); юто-ацтекская (науатль); аравакская (язык ашенинка перене); папуасские: семья маданг (язык сирои), семья энга (язык кева); нигер-конго (язык чумбурунг, распространенный в Гане); уральская (саамский язык); индоевропейская (цыганский язык Финляндии, гэльский шотландский и вестмюнстерский нижнесаксонский диалект), а также баскский язык.

Сборник открывает большая статья **С. Райс** «“В нашем языке все понимается буквально” (*Our language is very literal*). Образные выражения в дене-сулине (атапаскская семья)» (с. 21–76). Автор указывает, что рассматриваемый язык, как и большинство других атапаскских языков, очень редко прибегает к лексическим заимствованиям и для расширения словаря использует преимущественно собственные ресурсы. При этом инвентарь основ весьма мал – он насчитывает 1300–2000 единиц, главным образом односложных (с. 29). Из этих основ строятся лексемы, обозначающие явления действительности, как традиционные, так и новые. Райс очень подробно анализирует различные стратегии номинации, в основе которых, по ее мнению, лежат метафоры или метонимии различных типов. Статья представляет собой перечисление этих стратегий, приводятся примеры. Автор использует термин «лексикализация» (*lexicalization*), хотя в подавляющем большинстве случаев речь идет о номинации с указанием того, какой именно признак положен в осно-

ву названия предмета, человека, явления и т.п. Концептуальных метафор в том смысле, какой обычно вкладывается в этот термин, приведено совсем немного. Некоторые случаи вообще не являются ни метафорами, ни метонимиями, ни иными образными выражениями, например, *deneyuaze* 'мальчик' (*deneyu* 'мужчина' + диминутив), *ts'ékwaze* 'девочка' (*ts'ékwi* 'женщина' + диминутив), а также 'тропа' (уменьшительное к 'дорога'), 'ручей' (уменьшительное к 'река') и другие (с. 57), которые приведены в списке неологизмов (?). Стоит ли считать метонимиями *ejerekq̃* (cow + house) 'коровник', *tih'áik'é* (dish + place) 'шкаф для посуды'? Очевидно, автору представляется экзотической «внутренняя форма» многих производных слов данного языка, когда она отличается от соответствующей формы английского языка, например, «белый медведь» (англ. *polar bear*), «моя голова болит» (англ. *I have a headache*) и др. В целом, перед нами статья о принципах номинации в дене, а вовсе не об образных выражениях. К тому же под угрозой исчезновения находится сам язык, а не рассмотренный лексикон. По-видимому, носители языка правы, когда говорят, что в их языке все понимается буквально.

В статье К. Пасамоник «У меня сердце упало» (*My heart falls out*). Концептуализация частей тела и выражение эмоций в атапаскском языке бивер» (с. 77–101) рассматривается выражение эмоций, чувств, а также связанных с ними характеристик человека метафорически – посредством указания на определенные части тела: в первую очередь, сердце, а также голову, глаза, горло, уши, рот, мозг. Показано, что такие метафоры являются системными. Так, указание на отсутствие какой-то части тела означает неспособность к выражению какой-то эмоции, чувства или неспособность к одному из типов перцепции, которые считаются функцией той или иной части тела: «у него нет глаз» = 'он слепой', «нет головы» = 'глупый'. Напротив, указание на то, что часть тела обладает качеством «сильный», «крепкий», передает значение интенсивности эмоции или яркой выраженности качества: «крепкая голова» = 'упрямый'; «сильное сердце» = 'умеющий скрывать чувства' и т.п. Автор указывает, что в некоторых случаях имеет место метонимическая концептуализация, поскольку соответствующие выражения основаны на телесном опыте, другие же обороты являются концептуальными метафорами, поскольку демонстрируют культурно обусловленные связи между частями тела и психическими состояниями.

Одному из атапаскских языков посвящена также статья О. Ловик «Ходить как дикобраз, говорить как ворон». Образный язык верхнего танана, атапаскская семья» (с. 103–121). Автор

рассматривает два типа образных выражений в языке верхний танана, где поведение или качества людей передаются через их сравнение с животными. Автор подразделяет такие выражения на 1) идиомы, являющиеся следствием наблюдения за реальными поведками животных, и 2) идиомы, основывающиеся на мифах, герои которых представлены в виде того или иного животного. Идиомы первого типа также могут быть культурно специфичными, ср.: «(трудиться) как мышь», «(быть невоспитанным и не слушаться) как собака», «(ходить медленно) как дикобраз» и т.п. Автор отмечает, что в других культурах актуализуются иные особенности тех же животных. Идиомы второго типа основаны на мифологических рассказах, при этом, как показывает автор, часть этих рассказов уже забыта носителями танана, однако продолжает бытовать у других атапаскских народов. Идиомы обоих типов широко употребляются, являясь во многих случаях единственным способом номинации соответствующих качеств человека. Так, в танана значение «лжец» передается словом со значением 'ворон', точно так же нет специализированных слов со значениями «глупец», «невоспитанный человек», «ленивый человек», такие значения передаются зоо-идиомами. При этом носители языка не считают подобные значения буквальными. Автор ставит вопрос о том, можно ли считать такие выражения «образными», поскольку в этом случае предполагалось бы существование другого, «не-образного» способа передачи того же значения.

Статья М. Монтес де Ока Веги «Являются ли ацтекские загадки "концептуализациями под угрозой"» (с. 123–144) представляет собой сравнение двух корпусов загадок на языке науатль (ацтекском): первый был записан в XVI в. [Sahagún 1969], второй – в XX в. [Amith 1997]. Автор анализирует структуру загадок, используя когнитивный подход, предлагаемый теорией блендинга («смешивания»), а также останавливается на этимологии термина «загадка» в разных языках, на структуре загадки в науатле. Анализируемые корпусы значительно различаются референтами, в особенности в области, касающейся загадываемых артефактов. В статье рассматривается несколько параллельных примеров загадок с одним и тем же референтом. Автор приходит к выводу о том, что загадки современного корпуса в значительной степени утратили культурную специфику, они более не несут той исторической, мифологической, биологической информации, которая содержалась в «старом» корпусе. По мнению исследователя, это является следствием значительного сужения функций науатля в условиях доминирования испанского языка.

В статье **Е. Михас** «Концептуальные метафоры, связанные с телом, в мифах и фольклорных рассказах ашенинка перене» (с. 145–159) значительное место уделено описанию традиционной культуры, мифологии и демонологии носителей этого языка, принадлежащего к аравакской группе. Автор анализирует корпус текстов, собранных в 2009–2011 гг., указывая, что устная традиция ашенинка перене находится под угрозой вследствие идущего языкового сдвига, а также распространения среди этого народа адвентизма. Михас рассматривает мифы и традиционные нарративы как распространенные метафоры, отражающие доминанты культуры. Это следующие метафоры: ТЕЛО это ДОБЫЧА ХИЩНИКА, ТЕЛО это ОДЕЖДА, ТЕЛО это ПОДДЕЛКА. По мнению автора, эти концептуальные метафоры структурируют нарратив, а также помогают говорящим интерпретировать свой жизненный опыт. Телесные метафоры связаны с характерным для народов Амазонии анимизмом и перспективизмом. В приложении приводится образец глоссированного текста и иллюстрация к нему, сделанная носителем рассматриваемого языка.

Следующие две статьи, посвященные языкам Папуа – Новой Гвинеи, написаны сотрудниками Летнего института лингвистики (SIL). Строго говоря, ни описанные языки, ни образные системы этих языков не находятся под угрозой исчезновения. Однако материал, представленный в статье **Ш. ван Клефа** и **Ж. ван Клеф**, весьма необычен. В работе «Использование концептуальной метафоры в языке сирои (Папуа – Новая Гвинея). Рассказ – это восхождение на гору» (с. 161–183) авторы предлагают рассматривать грамматическое оформление глаголов в традиционном нарративе сирои как следствие существования в культуре этого народа концептуальных метафор: НАРРАТИВ это ВОСХОЖДЕНИЕ НА ГОРУ, ДВИЖЕНИЕ НАВЕРХ это ДВИЖЕНИЕ К НЕИЗВЕСТНОМУ, ДВИЖЕНИЕ ВНИЗ это ДВИЖЕНИЕ К ИЗВЕСТНОМУ. Глагол сирои факультативно может оформляться одним из четырех суффиксов, квалифицируемых авторами как аспектуальные; суффиксы восходят к глаголам локализации и движения. Кроме того, в сирои существуют маркеры зависимого статуса глагола, но в нарративе чаще всего встречается только один из них. Анализируя грамматические значения этих показателей, исследователи приходят к выводу о том, что их употребление связано с представлением о движении от известного к новой информации, что представляется как движение вверх; таким образом, нарратив концептуализуется в терминах восхождения на гору.

Статья **К.Дж. Франклина** «Обороты речи кева. Понимание кода» (с. 185–204) также посвящена языку, не находящемуся под угрозой. Автор, живший продолжительное время среди носителей кева, описывает различные виды образной речи в кева, подробно останавливаясь на намеренно завуалированном коде *saa agaa*, где используются не только метафоры и метонимии, но также разного рода фразеологизмы, поговорки. Этот код практически не понятен вне культурного контекста, ср. выражение *He оставляй опоссума и собаку в одном месте*, которое означает 'Не следует оставлять юношу и девушку вместе одних', поскольку опоссумы в культурном пространстве кева символизируют девушек, а собаки – юношей. Такого рода код часто употребляется в контексте запретов или предупреждений, а также для характеристики людей, ср.: *геккон увидел свой хвост* говорится о человеке, который, критикуя других, не замечает собственных недостатков. Подобные формы завуалированной речи широко распространены у кева, она маркирована семантически и грамматически. Для ее понимания необходима эмическая точка зрения, т. е. взгляд «изнутри» культуры.

Статья **М. Лонгмайлай** и **Л. Рабха** «Метафоры в языках димаса и рабха. Сравнительный анализ» (с. 205–219) посвящена двум родственным тибето-бирманским языкам. Оба находятся в иноязычном окружении, доминирующим языком для рабха является ассамский, а для димаса – хинди и бенгали. Авторы указывают, что образная составляющая этих языков стирается, метафоры, связанные с традиционной культурой, исчезают, как правило, параллельно с размытием самой культуры. Приводимые в пример метафоры определяются авторами как «кодирующие», т. е. используемые в качестве эвфемизмов или тайного кода. К первым относятся, в частности, выражения, связанные с женской физиологией, ко вторым – наименования некоторых этнических групп, а также мусульман. Сравнение метафор, принадлежащих к разным семантическим областям, позволяет авторам заключить, что эти две родственные этнические группы разделяют общие социокультурные воззрения. Интересно, что общая численность рабха превышает численность димаса, однако реально говорящих на димаса больше, что связано с миграцией большого числа рабха в города. При этом в димаса старые метафоры утрачиваются, но заменяются на заимствованные, в рабха же метафоры просто исчезают.

Теме исчезающих систем счета, а также метафорического использования чисел посвящена статья **Г.Ф. Хансфорд** «Числа, на которые рассчитывают люди чумбурунг» (с. 221–252).

Автор оспаривает утверждение Добровольского и Пириайнен о том, что числительные отличаются семантической бедностью, не употребляются метафорически, не имеют синонимов и антонимов [Dobrovolskij, Piirainen 2005]. Хансфорд последовательно рассматривает числительные, обозначающие числа первого десятка, а также несколько большие числа, в языке чумбурунг (Гана), демонстрируя случаи их переносного употребления и случаи, когда числительное является частью фразеологизма. Вслед за Б. Комри [Comrie 2005] автор указывает, что системы счета могут находиться на грани исчезновения и в достаточно благополучных языках; часто они полностью вытесняются системами доминирующего языка, причем утрачиваются и их образные употребления. В связи с этим автор призывает к последовательной документации систем счета, включая небуквальные употребления числительных.

И. Ибаррече-Антуньяно в статье «Важность раскрытия концептуальных метафор в миноритарном языке: пример баскского языка» (с. 253–273) подвергает сомнению существование универсальных базовых метафор, о которых писали Лакофф и Джонсон [Lakoff, Johnson 1980]. Автор поддерживает их постулат о том, что олицетворение и воплощение (embodiment) играют большую роль в процессе концептуализации действительности любым языком, однако это вовсе не означает, что соответствующие метафоры оказываются универсальными. В статье рассматриваются баскские концептуальные метафоры, связанные с частями тела, а именно со словами *buru* 'голова', *begi* 'глаз', *oin* 'нога', *gibel* 'печень' и *bihotz* 'сердце'. Показывается, что названия данных частей тела метафорически передают пространственные значения, а также обозначают чувства, эмоции, ментальные состояния человека; некоторые из них сходны с концептуальными метафорами других языков, однако существуют метафорические переносы, характерные лишь для данного языка. При этом в баскском отсутствуют некоторые метафоры, которые с точки зрения языков среднеевропейского стандарта кажутся едва ли не универсальными. Так, значение 'важный' связывается в баскском с «центральным положением», а не с «положением сверху». В заключение автор, оспаривая утверждение Диксона о том, что лингвист должен при описании исчезающих языков сосредоточиться главным образом на фонологической и грамматической системах [Dixon 2010], напоминает о том, что язык – это не только звуки и морфемы, но и уникальный взгляд на мир. Поэтому при документации исчезающих языков исследователи обязательно должны обращать внимание и на метафоры.

В статье **А. Идстрём** «Рога как метафора гордости. Как идиомы представляют отношения людей и животных в концептуальной системе языка саамов Инари» (с. 275–292) оспаривается основное положение концепции Лакоффа и Джонсона [Lakoff, Johnson 1980] о том, что концептуальная метафора – это процесс, позволяющий интерпретировать какую-то область человеческого опыта в терминах другой области. По мнению автора, эта теория плохо соотносится с конкретным материалом. Приводятся метафоры, используемые в саамском языке (автор отталкивается от саамского выражения «ему рога обломают», которое употребляется по отношению к зазнавшемуся человеку). Идстрём считает, что более адекватной для анализа концептуальной метафоры является теория релевантности Спербера и Уилсона [Sperber, Wilson 1986], в соответствии с которой буквальное и переносное (метафорическое) употребления не противопоставлены друг другу, а представляют собой континуум. Люди, живущие в одной среде, обладают общей схемой образов, что дает им возможность понимать метафоры, построенные говорящими на том же языке. Таким образом, концептуальные метафоры являются отражением культуры людей.

К. Гранквист в статье «Метафоры у финских цыган – в цыганском и финском языках» (с. 293–313) проводит сравнение концептуальных метафор, которые используют финские цыгане, говоря по-цыгански или на цыганском варианте финского языка. При этом оба идиома находятся под угрозой, так как молодые цыгане собственно цыганским языком владеют лишь пассивно; цыганский вариант финского также размывается, уступая место нормированному финскому языку. Автор сравнивает несколько метафор собственно цыганского и цыганского финского, в том числе этнонимы со значением «цыган», «не-цыган», «цыган наполовину». Из сравнения видно, что цыганский вариант финского демонстрирует большее разнообразие метафор: так, в нем имеются синонимичные выражения. Как указывает автор, в собственно цыганском языке метафоры вообще встречаются значительно реже; часть из них оказывается переводами с финского, например, метафоры пути. Делается предположение, что цыганский дает меньше возможностей для появления метафор вследствие узости словаря. Ряд цыганских лексем передается по-фински метафорически, в то время как в цыганском это отдельные лексемы, употребленные в прямом значении.

Статья **Т.Ф.М. Фалзета** «Bhio' tu direach ga ithe, bha e cho math = Это так хорошо, что можно съесть. Музыка, метафора и пища для ума в эстетике шотландского гэльского» (с. 315–338) основана на полевых исследованиях автора,

проводившихся в Канаде (провинция Новая Шотландия) среди носителей шотландского гэльского. Исследуются метафоры, связанные с традиционной шотландской музыкой и ее исполнением. Ученый показывает, что эта область обслуживается метафорами МУЗЫКА и РЕЧЬ = ПИЩА; ХОРОШЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ = ВКУС, анализирует метафорическое значение терминов *ith* 'есть', *blas* 'вкус'. В Канаде не более ста человек являются исконными носителями шотландского гэльского; автор отмечает связь образной составляющей языка и традиционной культуры. Молодые носители шотландского гэльского, в особенности выучившие его взрослыми, по словам автора, не способны ни адекватно исполнять традиционную музыку, ни говорить о ней, употребляя адекватные метафоры.

Книгу завершает статья Э. Пириайнен «Метафоры в исчезающем нижнесаксонском диалекте – идиомы со значением ГЛУПОСТЬ и СМЕРТЬ» (с. 339–357). Автор показывает, что в диалекте небольшой области Вестфалии сохранились метафоры, параллели которым не обнаружено в языках средневропейского стандарта. Данный нижнесаксонский диалект находится под серьезной угрозой исчезновения, причем резкое уменьшение компетенции говорящих приходится на вторую половину XX в. Автор анализирует метафорические выражения, связанные с семантическими областями «глупость» и «смерть», демонстрируя уникальность образной составляющей данного диалекта. Метафоры оказываются теснейшим образом связанными с традиционными представлениями и культурой, а их исчезновение, связанное как с утратой местной традиции, так и с утратой самого диалекта, представляется невозможной потерей.

Как представляется, название книги вводит в заблуждение. Она посвящена не столько метафоре, сколько иным образным средствам языка: здесь и разные виды метонимии, и сравнение, и все типы фразеологизмов и даже номинация (которая, строго говоря, уже не является образной составляющей языка). Об этом, впрочем, пишут в предисловии сами редакторы сборника (см. выше). Однако рассмотрение принципов номинации (чему посвящена большая часть статьи С. Райс) в принципе выходит за рамки поставленной задачи. Точно так же числительные в чумбурунг, как следует из представленного Г.Ф. Хансфорда материала, могут выступать как часть фразеологизма (ср.: *два человека лучше одного*), но сами не получают переносных значений, кроме числительного *один*, выражающего также грамматические значения. Кроме того, значительная часть статей посвящена не ситуации, когда под угрозой оказывается образная составляющая языка (а именно такой

подход постулируют составители), а проблеме исчезающих языков в целом. Так, описываемый в той же статье С. Райс язык находится на грани исчезновения, но его лексемы и перифрастические конструкции не исчезают быстрее самого языка. То же самое касается и ряда других статей. Некоторые из описанных языков вообще не находятся под угрозой (оба языка Новой Гвинеи, язык чумбурунг), и их метафоры и метонимии совершенно «здоровы». Такое несоответствие содержания ожиданиям читателя досадно.

Тем не менее в книге, безусловно, содержится некий посыл, красной нитью проходящий через все представленные статьи, который, видимо, и хотели донести до читателя составители этого сборника.

По прочтении сборника возникает убеждение, что образная составляющая языка самым прямым образом увязана с традиционной культурой – метафоры и прочие образные средства языка утрачиваются там, где утрачивается традиция (см., например, статью М. Лонгмайлай и Л. Рабха о языках рабха и димаса; в статье Т. Фалзета проводится интересная параллель – образные выражения сохраняются в речи тех, кто умеет исполнять традиционную музыку). Напротив, при сохранении традиционной культуры необходимые значения могут выражаться и на другом языке, об этом свидетельствует материал статьи К. Гранквиста об образных выражениях в языке финских цыган. Более того, как показывает материал этой статьи, в цыганском варианте финского языка метафор БОЛЬШЕ, чем в собственно цыганском языке. Это объясняется тем, что для выражения новых значений финский язык вынужден прибегать к метафоре, в то время как для цыганского эти значения уже освоенные, старые, для них существуют особые лексемы.

Главная мысль книги заключается в следующем. Язык не ограничивается фонетикой и грамматикой (морфологией и синтаксисом), поэтому задача лингвиста, в особенности лингвиста, занимающегося документированием исчезающих языков или диалектов, состоит также в фиксации образной составляющей языка: метафор, метонимий, фразеологизмов, стратегий номинации. На практике это означает, что лингвисты должны не просто преимущественно путем анализа прямых переводов предложений с языка-посредника (так называемой эликации) описывать «явление X в языке Y», но создавать полные грамматики и словари изучаемых языков, указывая не только прямые, но и все переносные, образные значения слов и словосочетаний. Это гораздо более трудная задача, однако только такое описание можно считать полноценной документацией языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Amith 1997 – *J. Amith*. Tan ancha como tu abuela: Adivinanzas en náhuatl de Guerrero central. Tlalocan. 1997. № 12.
- Comrie 2005 – *B. Comrie*. Endangered numeral systems // *J. Wohlgemut, T. Dirksmeyer* (eds). *Bedrohte Vielfalt: Aspekte des Sprach(en)tods*. Berlin, 2005.
- Dixon 2010 – *R.M.V. Dixon*. Basic linguistic theory. V. 1. Methodology. Cambridge, 2010.
- Dobrovol'skij, Piirainen 2005 – *D. Dobrovol'skij, E. Piirainen*. Figurative language. Cross-cultural and cross-linguistic perspectives. Amsterdam, 2005.

- Lakoff, Johnson 1980 – *G. Lakoff, M. Johnson*. *Metaphors we live by*. Chicago, 1980.
- Sahagún 1669 – *B. Sahagún*. Florentine Codex. General history of the things of New Spain. Santa Fe, 1669 [1577].
- Sperber, Wilson 1986 – *D. Sperber, D. Wilson*. *Relevance. Communication and cognition*. Oxford, 1986.

Е.В. Перехвальская

Сведения об авторе:

Елена Всеволодовна Перехвальская
СПбГУ
elenap96@yandex.ru

Ю.В. Сложеникина. Основы терминологии: М.: URSS, 2013. 120 с. ISBN 978-5-397-03887-4

Лингвистические аспекты теории термина.

Отечественное терминоведение является одним из весьма развитых научных направлений. Еще в 30-е гг. прошлого века была начата разработка проблем русской терминологии [Лотте 1931; Дрезен 1936], в 1933 г. был создан Комитет научно-технической терминологии АН СССР, который стал издавать сборники рекомендуемых терминов. Через 60 лет он был переименован в Комитет научной терминологии в области фундаментальных наук РАН, в неразберихе постперестроечных лет его деятельность иссякла и пока не восстановилась. При этом, однако, не только не сократилось, но и выросло число публикаций по различным аспектам терминоведения. По подсчетам С.В. Гринева-Гриневица, одних только диссертаций по проблемам терминологии было защищено свыше 2300 [Гринева-Гриневиц 2008]. В 1993 г. было создано Российское терминологическое общество «РоссТерм», которое регулярно проводит конференции и публикует сборники трудов и журналы. Интенсивно продолжают исследование русской терминологии лингвисты.

В издательстве «URSS» к столетию Самарского государственного технического университета вышла из печати монография профессора СамГТУ Ю.В. Сложеникиной «Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина». Автор ранее опубликовала монографию по проблемам терминоведения [Сложеникина 2005], защитила докторскую диссертацию «Терминология в лексической системе: функциональное варьирование» [Сложеникина 2006], научным консультантом которой был замечательный российский ученый, крупный специалист по проблемам терминоведения В.М. Лейчик (1928–2013), взгляды которого

[Лейчик 1986; 2009] нашли отражение в рецензируемой монографии.

О первостепенном значении терминологии для организации и манифестации научного знания заявлено в эпиграфе словами П. Флоренского: «Научная речь – выкованное из повседневного языка орудие <...> Суть науки – в построении <...> терминологии. Слово, ходячее и неопределенное, выковать в удачный термин – это и значит решить поставленную проблему. Поэтому жизнь терминов и есть история науки» (с. 4).

Рецензируемая книга предлагает авторский взгляд на некоторые аспекты теории терминоведения, но в целом продолжает традиции отечественной науки. Внутри совокупности слов ограниченного употребления Ю.В. Сложеникина выделяет ряд групп и подгрупп: 1) термины; 2) номенклатурные обозначения; 3) профессионализмы; 4) жаргонизмы. Особо рассматриваются прототермины, предтермины, терминыды, псевдотермины. Ю.В. Сложеникина рассуждает о том, что современная научная парадигма когнитивного терминоведения учитывает как базис прототипическую категоризацию концептов в «наивной» языковой картине мира, а как надстройку – семантику «интеллектуально зрелого» термина. Между термином и общеупотребительным словом находится прототермин, более высокий этап обобщения быденного знания, связанный с перемещением некоторого фрагмента действительности в сферу специальной коммуникации (с. 8).

С проблемой становления терминотерминов автор связывает тезисы Д.С. Лотте об ориентирующих свойствах терминов и делит их на правильно ориентирующие, неориентирующие